

Калининский государственный объединенный музей получил новые материалы о жизни и деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина и его близких. Это воспоминания О. И. Зубовой, дочери Ильи Евграфовича и Аделанды Павловны Салтыковых. Воспоминания написаны в 1934 году и до настоящего времени хранились в Москве у внучки О. И. Зубовой — М. М. Хомутовой.

Автор этих воспоминаний была широко образованным человеком, знала несколько языков, литературу, историю, философию.

Профессор Д. Н. Ушаков — автор словаря — говорил, что редко можно услышать такой совершенный русский язык, как тот, на котором говорила Ольга Ильинична.

Вплоть до самой смерти в 1945 году она занималась иностранными переводами и давала уроки немецкого, французского и английского языков.

ВЛАСТНАЯ женщина была моя бабушка, Ольга Михайловна Салтыкова, мать знаменитого нашего сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Да, властная, подчас даже грозная. Женщина огромного ума, министр в юбке, как называли ее в уезде, она долгие годы держала в повиновении и мужа, и детей, и даже весь уезд. И ней прибегали за советом и помощью как в делах общественных, так и семейных. И в большинстве случаев она давала дельные и разумные советы.

Муж ее, дед мой, Евграф Васильевич, был почти на 30 лет старше ее и всегда с величайшей почитательностью и некоторой робостью даже относился к житейской мудрости своей энергичной супруги. Сам же он был человек в высшей степени тихий и кроткий, никогда никакими хозяйственными делами не занимался. В 45 лет он стал собираться в монастырь, но родители этого не допустили и потребовали, чтобы он непременно женился для продолжения старинного рода.

Я хочу дать небольшую картину одного дня из жизни салтыковской семьи, когда Михаил Евграфович был еще юношей. Я ее представляю себе ярко по многочисленным рассказам отца, его современников и бывших крепостных, которых я застала еще в живых.

ТЕПЕРЬ лето, и вся семья в сборе. Приехали и дочери из института, и сыновья из учебных заведений. Ольга Михайловна настроена благодушно, хотя все же иногда вздыхает украдкой, вспоминая свою спокойную и не нарушаемую никакими звуками извне жизнь. А звуки эти властно врываются в ее обычную обстановку с водворением в Спасское всей этой шумливой, крикливой молодежи. И чувствует она, что каждый из них на свой лад выражает ей протест и неодобрение. Особенно Мишка!

Да вот хотя бы вчера, например, нахмурился, наступил брови и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Не понравилось, значит, когда она распекала старина Савелия, в сердцах назвав его болваном. Извольте видеть, мальчишке 18 лет, а уж так позволяет поступать себе с матерью! Что же будет дальше? В нем она с детства всегда подмечала какую-то строптивость, какое-то упорство, которых не смогла сломить никакими усилиями. Но раньше он по крайней мере только угрюмо отмахивался, а вот теперь нет-нет и орызнется, спорит, даже грубит. Ему она еще многое прощает, чего не простила бы Сергею и Николаю, а тем более Дмитрию, несмотря на почитательность последнего. Да, этот почти-гелек, что и говорить, от него, кроме «как угодно, маменька» да «как поживаете, милый друг-маменька», ничего другого и не услышишь. А между тем не лежит у нее к нему сердце, не прогают, а раздражают его ласковые речи, его притворные улыбки. «Эх, лидер ты, батюшка, хитрец и жабога», — думает она вслух. Мишку же она любит безумно и гордится им, по-

нее вместо этих стоштаных туфель!

— Но вы же сами велели донашивать старые башмаки и в будние дни косы лентами не завязывать, — возражают девочки, перебивая друг друга.

Ольга Михайловна явно сконфужена. Она помнит, что действительно нечто подобное она говорила благодаря свойственной ей во всем бережливости. Она спешит замять разговор перед французенкой, которая, не

Савелий ухмыляется и не двигается с места, а мужики все стоят, топчутся на месте и ладят свое.

Ольга Михайловна долго не соглашается, долго отмахивается от назойливых приставаний, но здравый смысл берет верх над упрямством, и она разрешает мужикам гонять и пасти скотину, где им удобнее. Она прекрасно понимает, что ей это никакого вреда не принесет, а скот действительно может пострадать, а вместе с тем и ее интересы.

За обедом опять же шум и гам, опять тот же хмурый Михаил, тот же льстивый Дмитрий, те же годоворезы Сергей и Николай, портящие и Ильошку. Ольга Михайловна на этот раз совершенно теряет всякое терпение и самообладание и, несмотря на присутствие французенки, обыкновенно парализующей ее гневные вспышки, начинает браниться и угрожать всех выгнать из дома и даже лишить наследства. Это ее любимая угроза, к которой она часто прибегает и на которую давно уже никто не обращает внимания.

После обеда Ольга Михайловна ложится отдохнуть, но ей не спится. Сквозь дремоту она слышит, как по дому носятся и кричат мальчишки, как сорются девочки. Рядом нянька двух младших девочек рассказывает им какую-то глупейшую сказку, не в силах бороться с одолевшей ее дремотой, несколько раз повторяет одно и то же.

Ольга Михайловна ворочается на своих перинах измученная и беспомощная. Она чувствует, что власть ускользает из ее рук, что авторитет колеблется и все в доме от мала до велика меньше и меньше считается с ней. А все Михаил, главное — Михаил. Он главный мятежник и бунтовщик. Он всему задает тон, и она прекрасно видит, что братья и сестры подчиняются его влиянию, даже Дмитрий побаивается его, хотя ухмыляется и притворно приходит в ужас, когда Мишка отпускает матери дерзости. И все пишет что-то с некоторыми пор. Вчера, например, она застала его пишущим, а когда спросила, что такое он делает, он сунул тетрадь в ящик стола и ничего ей не сказал.

Поднявшись с постели, Ольга Михайловна зовет Клима и принимается с ним за бесконечные расчеты по хозяйству.

Дмитрий просовывает голову в дверь и предлагает другу-маменьке свои услуги, но она сурово отклоняет его помощь и советует прогуляться или съездить в соседям. Дмитрий подмигивает Климу и исчезает.

Закончив с Климом, Ольга Михайловна отправляется в девичью, где осматривает заданную девушкой работу.

После ужина, столь же шумного и утомительного, как и обед, Ольга Михайловна прощается с детьми и направляется в кабинет мужа, которого так и не видела целый день. Хочется ей кому-нибудь излить душу, потолковать о детях, о делах. Но старик все время дремлет, отзвечает невпопад и только сердит ее своими шуточками и прибаутками, на которые он великий мастер, когда хочет отделаться от серьезного разговора. Видя, что разговора не получится, это тут никакой поддержки и сочувствия не найдешь, Ольга Михайловна опять тяжело вздыхает, троекратно крестит на прощание мужа и тихо удаляется в свою спальню.

Воспоминания подготовлены к печати

Т. КАЛУГИНОЙ,
старшим научным сотрудником музея Салтыкова - Щедрина.

В СЕМЬЕ

тому что знает, что из него выйдет толк, выйдет человек особенный, может быть, даже министр со временем...

Сергей смиренный, но недалекий, его почти не слышно.

Николай умен, несомненно, но шалый и бестолковый какой-то, орет целый день и гоняется с дворовыми ребятами, а учиться совсем не хочет.

Ильошка — тот еще мал, но больше всех похож на Михаила, тоже мальчик неглупый, и в Дворянском институте им довольны. Из этого тоже толк будет.

Сидя рано утром на крыльце, которое она предпочитает всяким террасам, и греясь на солнышке, Ольга Михайловна большей частью предается нерадостным размышлениям. Беспокоит ее то новое, что чувствуется во всей манере Михаила, бешабажность Николая и, главное, тактика Дмитрия. Давно она замечает его дружку с бурмистром Климом, их таинственные переговоры, улыбочки и взгляды исподлобья. Дмитрий, уже кончающий университет, вероятно, мечтает поселиться в деревне, жениться и все забрать в свои руки. Злоба закипает в ней против сына, и вместе с тем глубокая печаль наполняет сердце... Так вот для чего она столько лет хлопотала, работала не покладая рук, куса не доедая, не досыпая ночей! Ей начинает казаться, что она действительно недодела и недосыпала, и эта гипербола была для нее одной из любимых.

Девчонка Агашка приносит барыне чай, сливки и грудку сдобных лепешек. Со вздохом принимается за еду Ольга Михайловна, но и тут печальные мысли не покидают ее и мешают ей кушать с обычным аппетитом.

— Который час? — спрашивает она.

— Да, чай, уже десятый, — бормочет Агашка.

— Пора будить барышень, — говорит Ольга Михайловна и с трудом встает с крыльца, на котором просидела ровно два часа. Но навстречу ей бегут уже две девочки в белых платьях и, остановившись на некотором от нее расстоянии, приседают и подходят к ручке. За ними идет мадемуазель Симон, французенка, нанятая на лето в качестве гувернантки. Французенка подобострастно кланяется Ольге Михайловне. Она боится и вместе с тем от всей души презирает помещицу за ее невязанные туалеты, за плохое знание французского языка, за чересчур громкий голос.

Ольга Михайловна критически оглядывает дочерей. Она, привыкшая в деревне к простоте и даже распушенности в одежде и манерах, к ним в этом отношении предъявляет самые строгие требования.

— Надежда, — обращается она к старшей дочери, — а почему ты, мать моя, опять так плохо причесана? А ты, Люба, — говорит она второй, — могла бы надеть башмаки поприлич-

понимая русского языка, все-таки догадывается, о чем идет речь.

Все они направляются в столовую, и по дороге Ольга Михайловна отпускает несколько французских фраз, вызывающих насмешливые взгляды обеих девочек. Затаив обиду, Ольга Михайловна садится за стол и приказывает Надежде разливать чай, что та и делает, надув губы и фыркая.

В столовой показывается сам барин, Евграф Васильевич, необыкновенно аккуратный и чистенький старичок. Он мал ростом и так миниатюрен, что составляет забавный контраст со своей полновесной супругой. На пороге он приветствует всех словами: «Здравствуйте, веселая компания!» В эту минуту между Сергеем и Николаем возникает драка из-за стула, причем оба вопят истово. Евграф Васильевич, только что собиравшийся сесть, зажимает себе уши и стремглав бежит к себе наверх, где он проводит большую часть дня в занятиях языками и чтении философских и богословских книг.

Ольга Михайловна подходит к дерущимся мальчишкам, дает каждому из них звонкую пощечину и велит убираться вон и, глядя вслед исчезающему мужу, громко произносит: «Хотя бы этот старый дурак когда-нибудь вступился, а то все на кривенькой лошадке в сторонку». И грудь ее наполняется негодованием и какой-то жалостью к себе за свое одиночество и трудность задачи.

После этой бурной сцены все расходится. У Михаила раздуваются ноздри. Он пожимает плечами и говорит матери сквозь зубы:

— И кардегардия же у вас, однако! И распоряжаетесь вы по-всеенному, а мальчым-то ведь уже 14—15 лет.

— Что-что? — лепечет Ольга Михайловна, широко раскрывая глаза. Она хочет что-то сказать, но только машет рукой и отворачивается от него. Обдумывать положение ей некогда: многочисленные обязанности и заботы совершенно поглощают ее.

Прежде всех является священник и не без смущения заявляет, что пришел взглянуть на барометр ввиду того, что крестьяне желают отслужить молебен о дожде, так как засуха стоит страшная и весь урожай гибнет.

— А как дождь после молебна не пойдет? — Ольга Михайловна смеется и ведет батюшку к барометру. После продолжительного совещания решают молебен пока не служить, повременить до более благоприятных показаний барометра.

Батюшка уходит, и Савелий немедленно докладывает барыне, что на крыльце ее дожидаются мужики — на счет землицы. Ольга Михайловна немедленно выходит к ним, потому что знает, что это старая надоевшая история о выгонах и прогонах. Она кричит, что все уже сказано, все переговорено и просит ее не о чем, велит Савелию вытравить их.